

Таир Байрамов
доктор философии по искусствоведению
ramil_guliyev_85@mail.ru
(Азербайджан)

ВЛИЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕБРИЗСКУЮ КНИЖНУЮ МИНИАТЮРУ

I. Мистические параллели между Ближним и Дальним Востоком.

Авраамическая традиция ислама, христианства и иудаизма рассказывает в своих священных книгах о первочеловеке Адаме и его возлюбленной Еве (Хавве), которая появилась из его ребра. То есть изначально, он был как бы андрогином, содержал потенции обоих полов. Затем, как известно, произошло грехопадение от древа познания добра и зла (см. Ветхий Завет, «книга Бытия»), связанное как-то с пробуждением нижних чакр и сексом. До этого его сознание, как следует из вышесказанного, было неразличающим, нерефлексирующим и, возможно, недвойственным, подобным сознанию мастеров адвайты, чань и дзен, сознанию просветленных будд и адептов Дао. По мнению многих исследователей эзотерики, целью большинства эзотерических традиций, в особенности традиций авраамических религий, является возвращение в «адамическое состояние» до грехопадения, состояния отсутствия греха, низа и верха, состояния блага и святости, превыше добра и зла, недвойственного сознания.

В даосской традиции, насколько мне известно, также есть миф о человеке – андрогине, затем утратившем целостность. Даосская и чань-ская практика, а также внутренние стили у-шу, тайцзи-цигун и кунг-фу, помогают вернуть человеку эту целостность, или, по крайней мере, претендуют на это. Сходные цели преследуют адепты эзотерических традиций ислама, христианства и иудаизма – суфии, исмаилиты, исихасты, каббалисты. Хотя, среди ортодоксов в этих религиях бытует мнение, что возвращение в т.н. «адамическое состояние» возможно только в будущей жизни, поскольку Адам был изгнан из рая, а у его врат был поставлен ангел с мечом, т.е. «страж порога».

В даосской традиции также есть представление не только о Великом Пределе («Тай-цзи»), но и об «Отсутствии Предела» («У-цзы»), как об этом пишут Ли Дао Чунь [1] и Симпкинсы [15]. По мнению даоса Ли Дао Чуня, сущностью двойственности «инь» и «ян», составляющих «Великий Предел», является «Отсутствие Предела», т.е. недвойственная Бесконечность. А чаньские и дзэнские мастера в конце пути достигают буддовостного состояния недуалистическойтаковости (японск. «ити-нё»), на психическом плане разрушая дуальность проявленного.

Не только дальневосточные мистики, но и ближневосточные эзотерики и поэты Насими (Азербайджан) и Руми (Турция) также писали о пустоте и недвойственности. Великий азербайджанский поэт-мистик Насими писал [2, с.217]:

*Начала всех вещей едина суть –
Недвойственность и не отъединенье.*

Руми писал:

«В несуществовании быть уничтоженным – высшая награда!» [2].

Более того, такие «общие места» суфийской философии и практики, как культивирование состояний «таваккул» и «фана» («уничтожение»), конечно же, сближают суфизм с дальневосточными поисками «сатори», «нирваны» и «пустотного тела Дао». Более того, по мнению. С.Кацуки, без переживания, подобного смерти, самадхи невозможен выход за пределы дуализма [10, с. 136-138].

Впрочем, возвышаясь над дуальностью великие мистики Востока, возвышались и над дуальностью жизни и смерти, бытия и небытия.

Будда говорил, что нет «это есть» и нет «это не есть» - истина посередине, в виртуальности [2]. Перед ними не стоял гамлетовский, европейский, вопрос «to be or not to be?». Так, и последний, пятый порядок Тодзана, указывает на состояние между «отсутствием» и «наличием» [10].

Все это приемлемо только в случае неистинности закона исключенного третьего, да и почти всей аристотелевской логики. Ее опровергал, в частности, наш соотечественник, великий математик Лютфи Заде [19]. Да, что говорить, еще античные софисты указывали на абсурдность аристотелевских силлогизмов (пародия софистов: «Сократ-кошка!»). Однако исламское богословие и «фалсафа» тяготели к аристо-

телизму, не говоря уже о дуальном исламском делении на «halal» и «haram».

Изучая различные традиции Ближнего и Дальнего Востока, можно воссоздать черты «Изначальной Традиции» («Санатана-Дхармы») и «адамического состояния». Эти традиции указывают на различные аспекты «адамического состояния».

Мусульманские суфии акцентируют внимание на духовной чистоте, невинности и святости первочеловека – «духовного Адама» («Адама Рухани») [14]. Даосские и чаньские мастера культивируют отсутствие мудрствования, рефлексивного мышления и реализуют недвойственность за пределами дуальности добра и зла, а также спонтанность «изначального пробуждения», произвольную естественность. Обе традиции стремятся возратить изначальную целостность Первочеловека.

Также есть традиции, в которых не воссоздается это изначальное состояние, а поддерживаются имеющиеся остатки «Изначальной Традиции», и ее простота и безыскусность. Так инкорпорированный строй чукотского, эскимосского, алеутского и юкагирского языков, в которых нет именительного падежа, нет четкого разделения на части речи, нет глаголов – сказуемых и т.п. явно указывает на нерефлексивное, ситуационно–некатегориальное мышление носителей этих языков.

И современная наука находится в поисках новой гносеологии и логики, новой методологии исследований. Небинарные логики Геделя, Лукасевича, фон Неймана [8], нечеткая логика и теория нечетких множеств выдающегося американского ученого азербайджанского происхождения Лютфи Заде [2], заново открытая тетралемма Нагарджуны – открывают новые горизонты недуалистического мышления, выходящего за пределы аристотелевского закона исключенного третьего.

В условиях глобализации и интеграции культур важны не только культурные и экономические связи. Важен диалог традиций в поисках «Изначальной Интегральной Традиции» (термин Рене Генона) и на пути к «адамическому состоянию».

На сегодняшний день только в даосской традиции сохранилась полная гармония между естественными и духовными энергиями. Мастер Дао и унгун У-Вэй Синь указывает как можно, при помощи несложных гимнастических упражнений, гармонизировать духовные, космические

и естественно-инстинктуальные энергии, приводя к гармонии систему шести дань-тяней-тонких энергетических центров [16].

По-видимому, в тюркском тенгрианстве также существовали подобные практики. Некоторые среднеазиатские тюркские миниатюры представляют собой схемы лечения при помощи тонких энергетических центров и меридианов, похожие на китайские медицинские схемы [22].

Надо сказать, что в поисках изначального состояния Человека и Изначальной Традиции можно выделить два направления. Одно из них связано с силой «шуньяты», с энергией Танатоса и обретением целостности за счет как бы виртуального «омертвления», «угасания» всего существа. Это заметно особенно в буддизме, а также в тюркском сибирском шаманизме, в материях «смерти-возрождения» шамана.

Китайский мистицизм природы, конечно, биофилен, как и жизнелюбивая танская пейзажная лирика и сунская пейзажная живопись. Однако мистика, например, патриарха Хуэй-нэна, с его нигилизмом и следами «анатмавады» Нагарджуны, близка к полюсу Танатоса. Эта линия прослеживается вплоть до поздних дзэнских японских мастеров, один из которых изрек в качестве кредо: «Будь мертв, будь совершенно мертв, и тогда все будет хорошо». В Японии эта эстетика смерти, надо сказать, получила куда больше развитие и размах, чем в Китае. Истоки же этой тенденции лежат в доктрине «анатмана», доктрине «не-души» Нагарджуны – официальной доктрине махаяны.

Другая линия поисков изначального «адамического состояния» связана с собственно кораническим суфизмом. И здесь, мы, обнаруживаем, что Адам, согласно Корану, обладал ясным сознанием, «разумной душой», и был научен Именам Аллаха и именам всех вещей самим Аллахом. Из этого следует, что он, возможно, обладал развитым мышлением, имплицитно содержащим те элементарные основы бинарной логики, которые гораздо позже были сформулированы Аристотелем. В этом случае, возникают сомнения в недуалистическом «адвайтистском» характере мышления Адама, который ему иногда приписывают эзотерики и о котором говорилось выше.

Эта линия поисков «адамического состояния» сосредоточена на воссоздании изначальной святости и непорочности Первочеловека, согласно Корану, прощенного Аллахом. При этом, особенно в последнее время, суфии отказываются от «фана» и «бака», и культивируют состояние «Kamil insan» («совершенного человека»).

II. Изображения Человека в азербайджанской миниатюре.

Изображения Адама и Хаввы в азербайджанской миниатюре очень отличаются от европейских христианских изображений. Они часто бывают изображены полуобнаженными, но (!) с нимбами вокруг голов, указывающими на их святость [20, с.31], как в некоторых миниатюрах марагинской школы.

В этой связи, сэр Томас Арнольд писал: «...Странно, что нимб применяется и над головами второстепенных персонажей, но уже совсем необъяснимо его появление над головой лжепророка Бихафрида, ..., или над персонажем «Шах-наме» тираном Зоухаком, над палачами Халладжа, над царем Навуходоносором, сжигающим Иерусалимский храм...» [4, с.52].

Все это объясняется гуманистической сутью Ислама и т.н. «мусульманского Ренессанса» и даже постренессанского периода. Возможно и объяснение с позиций суфизма: зло исходит из низших аспектов «нафса» и низких слоев психики, тогда как «разумная душа» каждого человека совершенно чиста и непорочна.

III Влияние китайских традиций на миниатюру.

Китайско-азербайджанские художественные связи имеют давнюю историю. Они носили особо оживленный характер в средние века и сейчас вновь приобретают актуальность.

В украшении колоссального свода истории, созданного при монгольских Ильханах, названного «Джами ал-таварих», участвовали преимущественно уйгурские мастера – проводники китайского влияния и, возможно, собственно китайские художники. Позже в Большом Тебризском Шах-наме китаизмы органично вписались в складывающийся тебризский стиль [5].

В XV в. преобладал «туркменский» или же «туркоманский» стиль, принесенный Аг-Гоюнлу и Гара-Гоюнлу из Средней Азии, из Туркестана, находившегося под сильным влиянием Китая. Кроме того, в XV в. в основном в Тебризе творил выдающийся турецко-азербайджанский художник Мухаммед Сийах Калем. Его перу принадлежат изображения буддистских монахов и даже адептов Дао, танцующих и парящих в мистическом экстазе. Одна из миниатюр так и называется: «Танец двух да-

осских бессмертных» [21]. Еще одна из миниатюр Сийах Калема является настоящей копией с китайской картины, изображающей мистических старцев, гуляющих с прирученной львицей.

Но подлинный расцвет тюркско-азербайджанской миниатюры связан со школой Султан Мухаммеда, чему посвящена монография К.Керимова «Султан Мухаммед и его школа» [11]. В таких миниатюрах как «Царство Кейюмарса» и «Принц у цветущего дерева» работы Султана Мухаммеда действуют такие китайские мистические принципы, как «хозяин и гость» и чередование «инь» и «ян».

Его ученик и сын, Мухаммеди, пошел еще дальше: он изобразил чаньскую медитацию под деревом бодхи, или же под древом Тха Бодхидхармы – основателя китайского буддизма.

Другая его миниатюра на отдельном листе изображает совместную трапезу буддийских монахов, суфийских дервишей и тюркских шаманов. Его миниатюры в технике сухого калема близки по исполнению к чаньской живописи, в частности, к знаменитому средневековому циклу рисунков «В поисках быка», а также к таким шедеврам чань как «Патриарх и тигр» (эпоха Тан).

Для азербайджанской и шире – тюркско-мусульманской миниатюры характерны следующие черты, которые созвучны и китайской живописи:

- 1) изображается не только объект, но и «идея его бытия» (Сиявуш Дадаш), что соответствует китайскому принципу «сеи» (писать идею);
- 2) гармоничное соотношение движения и неподвижности (Э.Ф.Алиев);
- 3) поиски пространственных решений в рамках плоскостной формы (как в китайском так и в азербайджанском искусстве);
- 4) чередование планов (иллюзия перспективы) при отсутствии линейной перспективы;
- 5) Реализм+абстрагирование (К.Дж.Керимов);
- 6) Изобразительный язык, а не канон, «стилистическая форма» (Э.Ф.Алиев) (как в китайском, так и в азербайджанском искусстве).

Влияние китайской культуры в целом, и китайской живописи, в частности, на тебризскую миниатюру было колоссальным. Но, как пронизательно заметил Гастон Вьет, «Восточные художники всегда восхищались всем китайским, но никогда его бездумно не копировали» [4, с.56].

Ключевые слова: Китай, традиция, миниатюра, культура, Мухаммеди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология даосской философии. – М., Клышников, Комаров и Ко, 1994.
2. Байрамов Т.Р. Свет суфизма. Огонь тантры. Ветер дзэн. – Баку, Текнур, 2005.
3. Буддизм. Сб. научных трудов. М.: ЭкСМО-ПРЕСС; Харьков: Фолио, 2001, с.241-847.
4. Гасанзаде Дж.Ю. Зарождение и эволюция Тебризской миниатюрной живописи (XIV-XVI вв.). Кн.перв. Тебризская миниатюрная живопись XIV века. – Баку, Тэкнур, 2016.
5. Гасанзаде Дж.Ю. Тебризская миниатюрная живопись – Баку: Socar, 2000.
6. Генон Р. Царства количества и знамения времени. М.: Беловодье, 2004.
7. Дао-Дэ цзин. Пер. В.В.Малявина – М.: Астраль-Аст, 2002.
8. Ивин А.А. Логика. М.: Гардарики, 2000.
9. История азербайджанской философии. Т.1., Баку, 2008.
10. Кацуки С. Практика дзэн – М.: Амрита-Русь, 2004.
11. Керимов К. Дж. Султан Мухаммед и его школа. – М., 1972.
12. Кули-заде З. Хуруфизм в Азербайджане. Баку, Эльм, 1981.
13. Мир Валиддин. Коранический суфизм – М., Спб.: Диля, 2004.
14. Павич М. Хазарский словарь. Культурологический роман. – М.: Азбука, 1999.
15. Симпкинс С.А., Симпкинс А. Дао за 10 уроков. М.: АСТ – Астрель, 2006.
16. У-Вэй Синь. Энциклопедия цигун. Управление сознанием, телом, дыханием, - М. 2000.
17. Уилсон Р.А. Квантовая психология. М.: София, 2005.
18. Уилсон Р.А. Новая инквизиция – К.: Янус, - М.: Пересвет, 2001.
19. Ушел ученый, ушла эпоха (памяти Лютфи Алескер Заде). //Элм/ Наука (газета) от 08.09.2017.
20. Фарзалиев Ч. Живопись Азербайджана. Антология, Баку, 2007.
21. Between China and Iran. Painting from Four Istanbul Albums. – London, 1985, eds. E.T.Grube and E.Sims
22. Blochet E. Les Enluminures des manuscrits orientaux de la Bibliotheque Nationale. –Paris, 1926.
23. Diez E. Chino-mongolian Temple Painting and its influence on Persian illustrated – ArsIslamica, v.1., 1934, pp. 160-170

Tahir Bayramov (Azərbaycan)**Orta əsrlər Çin mədəniyyətinin Təbriz kitab miniatürlərinə təsiri**

Məqalədə Müsəlman və Uzaq Şərq mistik ənənələrinin ümumiliyi təhlil olunur. “Cəmi ət-Təvarix” miniatürləri, türk ustadı Siyah-Kalemin əsərləri, Sultan Məhəmmədin miniatürlərində Çin motivləri və onun oğlu Məhəmmədinin yaradıcılığına buddist hikmətinin təsiri baxılır.

Açar sözlər: Çin, ənənə, miniatur, mədəniyyət, Məhəmmədi.

Tair Bayramov (Azerbaijan)**The influence of the middle age China culture on Tebris book miniature**

In this article is considered the community of the mystical traditions of Muslim and Far East. There are considered the miniatures of “Djami-at-Tavarich”, the works of the Turkic master SiyakhCalem, China forms in Sultan Muhammed’s miniatures and the influence of buddha’s wisdom on the creation of his son Muhammedi.

Key words: China, tradition, miniature, culture, Muhammedi.

«Двое буддистских святых прогуливаются с львицей». Тебриз. Мастер Мухаммед Сийах Калем. XV в. (копия с китайской картины)

«Двое буддистских святых». Тебриз. Мухаммед Сийах Калем. (?) XV в.

Мухаммед Сийах Калем. «Двое даосских бессмертных в танце». Тебриз. XV в.

Мухаммеди. «Сцены сельской жизни» Казвинский стиль (продолжение тебризского стиля). 1578 г.